

УДК 316.485.2:004.62

Евстафьев Д. Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

НОВАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОТЕСТНОСТЬ И ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЙ. ОПЫТ 2017–2020 ГГ.

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать события 2017–2020 гг. (последнее поколение попыток «цветных революций») с целью определения специфики новых технологий социально-политической протестности, опирающихся на возможности интегрированных цифровых коммуникаций, дающих существенно большие возможности управления общественными настроениями.

Процедуры и методы. Теоретической и методологической базой статьи являются российские и зарубежные работы, посвящённые сетевизированным системам коммуникации, информационным войнам и политическим манипуляциям. Работа подготовлена в рамках классической для российской политологии и социологии методологической парадигмы, но с пониманием существенно возросших социо-конструктивистских возможностей манипулятивных технологий.

Результаты. Выявлена ограниченность возможностей нынешних технологий манипуляций для поддержания устойчивости протестных коалиций. Установлено, что центральной проблемой информационных манипуляций становится качество (прежде всего, убедительность) транслируемого контента.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья может стать основой для выработки противодействия современным деструктивным технологиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социально-политические протесты, информационные манипуляции, пропаганда, информационное воздействие, фейки, управление протестами

СТРУКТУРА

Введение

Объекты анализа

Базовая констатация

Приоритетные целевые аудитории для манипулятивного воздействия

Анализ эффективности информационно-манипулятивного воздействия

Промежуточные выводы

D. Evstafiev

National Research University Higher School of Economics
20 ul. Myasnitskaya, Moscow 101000, Russia Federation

SOCIO-POLITICAL PROTESTS OF THE NEW ERA AND THE TECHNOLOGIES OF INFORMATIONAL-POLITICAL MANIPULATIONS. THE EXPERIENCE OF 2017–2020

ABSTRACT

Aim. To analyze the cases of social protests of 2017–2020, that could be regarded as the latest generation of the “colour revolution” attempts, in order to define the specifics of new technologies of managing socio-political protests – technologies based upon the potential of digital integrated communications that provide for wider potential to control public attitudes.

Methodology. Russian and foreign scholars’ research of the networks-based communication systems, information wars and political manipulations serve as the theoretical and methodological basis of the article. The article uses the classic methodologic approach of Russian political and social science but with the special focus on growing socio-engineering capabilities of the manipulation technologies.

Results. It is shown that the capabilities of present day manipulation technologies to preserve protest stability are limited. The key problem of information manipulations is the quality and persuasiveness of the transmitted content.

Research implications. The article could be used as a theoretical base for elaboration of methods of countering destructive social technologies.

KEYWORDS

socio-political protests, informational manipulations, propaganda, informational influence, fakes, protests guidance

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика социальной протестности и управления ей с использованием информационных технологий является одной из наиболее актуальных в современной политологии. Это связано с характером политических процессов в мире, где одним из инструментов не только социальных, но и политических и даже геополитических трансформаций является социальная протестность, стимулируемая и/или управляемая извне. Такой метод воздействия на политику суверенных государств, а в ряде случаев – даже и изменения геополитической конфигурации крупных регионов, относительно безопасен с точки зрения возможной силовой реакции стран-конкурентов и даёт широкие возможности манипуляций в отношении политической и экономической элиты.

Это будет определять востребованность подобных технологий и растущую актуальность их мониторинга и исследования процессов развития.

Технологии, первично отработанные в ходе «цветных революций» в Сербии и на постсоветском пространстве, а затем – в ходе «арабской весны» в на-

стоящее время интенсивно совершенствуются за счёт новых возможностей информационного общества, основанных на системе цифровых интегрированных коммуникаций. Это вполне соответствует важнейшим тенденциям развития глобализации, в которой начинает всё больше доминировать коммуникационная составляющая, в целом находящаяся под контролем США.

Рассмотренная в статье тема носит междисциплинарный характер. В своём анализе автор базируется на работах зарубежных и российских специалистов по информационным войнам и политическим манипуляциям, Э. Люттвака, Дж. Ланйера, А. В. Манойло, О. В. Матвейчева, А. О. Наумова, С. Стронга, С. Фуллера и других. Важным направлением исследования современного информационного контекста стали исследования феномена «постправды».

Автор в качестве фундаментальной теоретической и методологической базы опирается на классические работы, посвящённые сетевизированным системам коммуникации. В частности, необходимо упомянуть работы М. Кастельса, Э. Гидденса, Дж. Урри, Т. Ван Дейка, Дж. Вайсман и других западных исследователей, заложивших концептуальную основу для использования информационных технологий как инструментов социального и социально-политического управления.

Важную роль играют работы крупнейших зарубежных учёных, занимавшихся проблематикой трансформации власти в процессе социальных протестов и силовых действий. Отметим фундаментальную монографию Э. Люттвака «Государственный переворот. Практическое пособие», хотя, конечно, в данной работе не учитываются многие важные аспекты подобных трансформаций, связанные с потенциалом современного информационного общества и информационно-политических манипуляций, в полной мере проявившиеся уже в 2010-х гг.

Не утрачивают актуальность и работы В.Г.Афанасьева по вопросу управления информацией¹, где сфера информации рассматривается в качестве варианта социальной системы, свойства которой проявляются через взаимодействие крупных общественных коллективов. Это свойство в полной мере проявилось в ходе информационно-политических манипуляций последнего времени.

Социальная протестность методологически рассматривается как часть процесса публичной реализации политических кризисов, имеющих различную природу, но чаще всего – социально-экономическую. Работа подготов-

¹ В частности, фундаментальным можно считать следующее замечание академика В. Г. Афанасьева: «Избирательный, селективный подход человека к информации предполагает: совершенное знание человеком своей специальности, своей роли в коллективе, обществе и стоящих перед ним и обществом задач; умение ориентироваться в океане информации, отбирать и уметь использовать ту информацию, которая ему необходима» [1, с. 85]. Принципиальны два момента: с одной стороны, характеристика потребления информации как явления социального, а с другой – неспособность, условно, «среднего» человека, неподготовленного и не имеющего достаточного кругозора, оценивать качество и достоверность предоставляемой ему информации.

лена в рамках классической для российской политологии и социологии методологической парадигмы [14], но с пониманием существенно возросших социо-конструктивистских возможностей манипулятивных технологий.

ОБЪЕКТЫ АНАЛИЗА

В качестве объекта для проведения анализа были отобраны несколько ситуаций, где информационно-манипулятивные технологии использовались для формирования среднесрочно устойчивых (или устойчивых на среднесрочную перспективу) систем политической и социальной протестности и дестабилизации соответствующих политических режимов с локальными (смещение руководителей региональных органов власти, изменение поведения властей) или тотальными целями. Подобные конфликтные ситуации являются наиболее привлекательными для применения информационно-политических манипуляций без риска вовлечения в крупный конфликт, но с перспективами изменения политики важнейших для конкретных регионов государств. Такого рода конфликтные узлы, где конкурирующие глобальные и региональные силы могут и будут задействовать различные манипулятивные инструменты, вполне типичны для периода переконфигурирования глобального экономического и политического пространства и достижения доминирования во «фронтирных зонах» и ресурсно значимых пространствах.

Подобные ситуации можно считать типологически предшествующими в «лестнице эскалации» в межгосударственных отношениях «гибридным войнам», хотя это понятие слишком зонтичное, чтобы рассматриваться как полностью методологически корректное [7].

В работе рассматриваются в основном события 2018–2020 гг., в качестве последнего поколения попыток «цветных революций»². Эти события и по своему целеполаганию, и особенно по характеру используемых инструментов и манипулятивных технологий отделены от эпохи «арабской весны», которой были свойственны иные политические задачи и иной уровень использования информационно-манипулятивных технологий (табл. 1).

В качестве **объектов исследования** были выбраны:

– Долгосрочная *политическая нестабильность в Венесуэле* с января 2019 г. События в Венесуэле, связанные с попытками продвижения на пост президента лидера оппозиции Х. Гуайдо можно считать последним случаем, когда ставка делалась на дестабилизацию недружественного режима силами только США, а информационные манипуляции были не важнейшей интегрированной частью изначального сценария, а наращивались по мере исчерпания возможностей «традиционных» для американской политики в Латинской Америке средств. В Венесуэле были отработаны «флагманские»

² Исчерпывающий анализ опыта и технологий более раннего «поколения» «цветных революций» см. у А. В. Манойло [8]. Также интерес представляет работа О. Г. Новикова, Д. А. Рыжиковой и Р. Н. Высоцкого [11].

Таблица 1 / Table 1

Базовые характеристики социального и информационного пространства
«новой протестности» / Basic characteristics of the social and information space of the
“new protest”

Локация	Характер социального пространства в зоне активной протестности	Наличие этно-религиозного фактора	Уровень развития цифровых технологий	Уровень медиатизации	Уровень контроля медийного пространства Властями	Примечание
Венесуэла	Высокоурбанизированное пространство «фрагментированного мегаполиса»	Нет	Низкий	Средний	Средний	Активная роль криминализированных «городских племен» в качестве основы для «коммуникационных систем»
Армения	Высокоурбанизированное пространство в доминирующем мегаполисе.	Нет	Средний	Низкий	Низкий	Асимметрия интересов Армении и армянской диаспоры
Москва*	Постиндустриальный мегаполис, экономически и социально противопоставленный остальной стране	Нет	Высокий	Высокий	Средний/низкий в зависимости от сегмента	Максимальная активизация широкой протестной коалиции на пике протестов, затем, - быстрый спад
Россия	Крупнейшие города соответствующих регионов.	Нет Попытки развить ксенофобские настроения успеха не имели	Средний/Высокий	Высокая	Средний	Отмечается начальная фаза регионализации протестной повестки
Белоруссия	Умеренно-урбанизированное: сочетание доминирующего городского центра субмегаполисного типа и малых городов	Да На поздней фазе протестов они приобрели этно-религиозную окраску.	Средний	Средняя/низкий	Средний	Часть государственных СМИ де-факто контролировалась антивластными силами У власти была иллюзия контроля медийного пространства
Киргизия	Постсоветский субмегаполис с рудиментами архаики	Да. Субэтнический раскол общества с элементами ксенофобии в отношении других общин – основа протеста.	Средний	Низкий	Низкий	Информационная хаотизация как антитеза клановой социальной структурированности. Распад общегосударственной «повестки дня»

политико- и информационно-манипулятивные технологии, в дальнейшем тиражируемые в других регионах, в том числе и на постсоветском пространстве: формирование двоевластия и реализация впервые в столь откровенной форме принципа внешнего управления государственным суверенитетом. Важнейшим компонентом ситуации в Венесуэле было системное применение комбинированных информационно-манипулятивных и киберударных инструментов воздействия³.

– *«Цветная революция» весны 2018 г. в Армении*, рассматриваемая как удачный опыт адаптации универсальных манипулятивных технологий в пространстве, наполненном неуниверсальными, а в чём-то и архаическими социальными связями и отношениями. Ситуация отличалась точностью реализации политического содержания и исключительно быстрым переводом протеста из сферы коммуникации в сферу публичного протеста. Важно и то, что доминирующую роль в данном случае играли классические методы пропаганды, степень задействования интрузивных манипуляций была относительно велика. Коммуникационные инструменты играли роль консолидатора протеста и организационного инструмента. Следует отметить исключительную радикальность лозунгов, что отражало изначальную решительность ставившихся задач.

– *События в г. Москве в 2019 г. и последующая цепь протестных действий в России*, включая попытку формирования локализованного среднесрочного узла нестабильности в Хабаровске. Ситуация важна не только классическим локализованным проявлением социо-коммуникационной гибридности [4], но и попытками встраивания в единый вектор протестности разнородных по своему генезису и политическому содержанию процессов: от политических протестов в Москве, сфокусированных на локальной задаче, до локальных по своему генезису, но отражавших общефедеральные обеспокоенности «мусорных» протестов в Архангельске. Важнейшими элементами ситуации были, с одной стороны, нацеленность на относительно быстрый перевод ситуации в формат социального действия (публичного протеста), а с другой – критичность сохранения единого информационного вектора (расширенной «повестки дня») для обеспечения политической статусности социоинформационных процессов.

– *Попытка государственного переворота с опорой на внешнее управление в Белоруссии в августе 2020 г.*, где информационно-манипулятивные технологии были использованы в качестве ресурса стратегического управления при значительной вовлечённости в ситуацию внешних сил, имевших различные цели и мотивы поведения. Ситуация в Белоруссии важна и тем,

³ Наиболее очевидным таким эпизодом было временное выведение из строя в марте 2019 г. крупнейшей венесуэльской ГЭС «Гури» (См.: «Стремление к глобальному контролю»: почему Китай обвиняет США в кибершпионаже [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/719299-kibershpiionazh-ssha-kitai-obvineniya> (дата обращения: 19.02.2020). Имели место и другие менее масштабные или менее успешные попытки дестабилизационных действий, но данный эпизод важен масштабностью и координацией по времени с одним из пиков протестов.

что там информационно-политические манипуляции столкнулись не только с контригрой властей на социальном поле, но и с попытками технологического противодействия информационным манипуляциям, оказавшиеся частично успешными. Можно предположить, что поствыборный протестный узел в Белоруссии станет основой – во всяком случае, технологической, новой модели управления социального протестами.

– *Информационная война против попыток России превратить 75-летие Победы советского народа в Великой отечественной войне* в значимое событие для усиления позиций России в мире. Данная ситуация характерна своей продолжительностью/протяжённостью по времени, сочетанием манипуляций различного типа извне России, и изнутри, а также попытками сращения темы с общепротестной активностью по всему спектру проблем. Возможности вывода или самостоятельного выхода ситуации в публичное поле были, изначально ограничены и она осталась преимущественно в рамках технологий почти классических «информационных войн» и пропагандистской диффамации.

– *События в Киргизии 2020 г.* как информационно-политическая анти-теза другим ситуациям, когда степень управляемости информационных процессов оказался явно недостаточен, и произошла сперва хаотизация информационного, а затем – политического пространства. Хотя, безусловно, в ситуации в Киргизии значительную роль сыграли непреодолимые особенности социального пространства⁴, не дававшие возможность сформировать доминирующий вектор протестности.

За рамками данной работы остаются события в США, сопровождавшиеся исключительно широкими информационными манипуляциями, дающие также богатую пищу для совершенствования мер воздействия на крупные и политически активные общественные группы. Но типологически эта ситуация является слишком специфическим случаем (по характеру пространства и решаемым задачам), чтобы рассматриваться в данной статье.

БАЗОВАЯ КОНСТАТАЦИЯ

При всех различиях социального и информационного пространства новая протестность развивалась в условиях относительно урбанизированных пространств, но характеризующихся принципиально различной степенью социальной атомизации и глубиной разрушения традиционных социальных институтов. Иными словами, «новая социальная протестность» – явление преимущественно городское, опирающееся на городские структуры. Внешне протестные системы построены по сетевому принципу, но внутри протестных систем прослеживается формирование иерархии.

⁴ Обзор ситуации в Киргизии на момент свержения президента может быть найден в статье П. Скоробогатого и Т. Сысоева [15]. Особо отметим очевидную хаотизацию протестной деятельности в Киргизии и ее крайне слабую управляемость.

ПРИОРИТЕТНЫЕ ЦЕЛЕВЫЕ АУДИТОРИИ ДЛЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Новые подходы к информационно-политическим манипуляциям отражают не просто высокую, а растущую степень социальной атомизации обществ даже в относительно развитых странах и наличие в их социальном пространстве значимых элементов анклавизации, что разрушает устойчивые социально-политические и поведенческие модели.

Объектом и информационных манипуляций и кибератак выступают целевые аудитории, фактически, привязанные, вернее формирующиеся вокруг определённых социальных групп:

Молодёжь. Как показывает практика последнего года именно эта категория будет фокусной для информационно-политических манипуляций. Фактором, позволяющим осуществлять масштабные информационно-политические манипуляции в молодёжной среде, является расширяющийся отрыв молодёжи от реальной экономически значимой социальной жизни на фоне искусственно формируемого «конфликта поколений». Возникает сообщество «цифровых космополитов» [17] как внутренний социальный анклав урбанизированного пространства, социально отделяющий себя от большей части населения страны. Навязывание космополитического мировоззрения, на практическом уровне легко трансформируемое в антипатриотизм.

Военнослужащие и сотрудники силовых структур. Универсальной становится стратегия устрашения и принуждения к последующему покаянию. Это проявлялось и в летних событиях 2020 г., и в событиях в Гонконге, и в протестах в Белоруссии. Но, как показывает практика, нынешних технологий для работы по этому направлению явно недостаточно, эффективное воздействие требует большего погружения в реальное взаимодействие. Это в действительности очень важный момент – наличие системных жёстких связей (например, таких как присяга, боевое братство, даже земляческие отношения) является серьёзным сдерживающим фактором информационно-политических манипуляций.

Пенсионеры. Данная социальная группа рассматривается в современных сценариях в качестве важного элемента информационных манипуляций. Важность данной целевой аудитории в сценариях гибридных манипуляций в том, что, будучи относительно слабо вовлечёнными в системы интегрированных коммуникаций (хотя эта вовлечённость будет постоянно расти хотя бы в силу демографических причин), пенсионеры сохраняют потенциал влияния в традиционных системах коммуникаций, а также специфических социальных пространствах («больших семьях»). Нельзя исключать, что именно пенсионеры как наиболее социально уязвимая категория граждан не только в России, но и в мире в целом, могут стать следующим объектом для тестирования комплексных манипулятивных технологий. Особенно учитывая, что вбросы относительно радикального изменения пенсионной системы в России уже неоднократно производились в текущую повестку дня.

Получатели социальных льгот. Они являются «неудобной» категорией для манипуляций. Важно отметить, что потенциал социальной консолидации данной социальной категории существенно больше, чем у пенсионеров, более социально атомизированных, обладающих исторической памятью и менее склонных к радикальной протестности. Но сами по себе получатели льгот могут входить в иные социальные категории. Кастомизация их как специфической целевой аудитории представляет собой определённую сложность как в социальном, так и в технологическом плане. Они, скорее, подвержены некастомизированной пропаганде, направленной на подрыв доверия к политическому режиму. Но в Венесуэле и странах подобных ей воздействие на эту целевую аудиторию может в перспективе стать специфическим вектором воздействия. Вообще воздействие на получателей социальных льгот пока лежит совершенно в русле классической политической популистской повестки, переживавшей бум на Западе [6]. Непростые социальные последствия пандемии усилят интерес к этой целевой аудитории.

Малый бизнес. Представители малого бизнеса в ходе пандемии показали высокую степень эмоциональности поведения, низкую степень социальной и экономической устойчивости. Иными словами, они продемонстрировали, что могут быть манипулируемы с использованием относительно простых средств. В наибольшей степени значимость этой категории и высокая степень её манипулируемости проявилась в Киргизии, но это связано с особенностями социальной структуры общества. С точки зрения социального структурирования, малый бизнес оказался одной из наиболее атомизированных групп населения, несмотря на формальное существование многочисленных организаций. И это сделало малый бизнес исключительно уязвимым для простейших информационных манипуляций⁵. Возможности для деструктивного использования данной социальной группы в России является в целом негативное отношение к ней со стороны основной части общества и крайне низкий потенциал консолидации.

Этими целевыми аудиториями воздействие на общественное мнение, безусловно, не ограничивалось. В частности, во всех случаях отмечены попытки воздействия на государственных служащих, бюджетников и ряд других категорий. Но указанные выше категории были фокусными для информационно-манипулятивного воздействия, на них апробировались наиболее значимые технологии информационно-манипулятивного воздействия и

⁵ Этот феномен не является уникальным для постсоветского пространства. Он отражает общий для всего мира процесс трансформации в последние 100 лет «мелкой буржуазии»: движение от реальных владетелей значительной части собственности в любой стране, тем не менее, подверженных различным пропагандистско-политическим манипуляциям. Сейчас значительная часть этой утрачивающей контроль над собственностью и распавшейся на «кредитный средний класс» и «креативный класс» группы пауперизируется и выводится за пределы «социального договора» [16]. В постсоветской Евразии эти процессы обостряются высоким уровнем криминализации и зависимости «малого бизнеса» от административного произвола.

именно в отношении них были отмечены определённые результаты манипулятивного информационно-политического воздействия, хотя и не всегда только позитивные.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В рассматриваемых случаях протестной деятельности приоритетным вопросом становится не секторальная структура воздействия, а возможности новых информационно-манипулятивных технологий по управлению поведением крупных социальных групп и формированием на их основе значимого и устойчивого по времени протестного «ядра» (табл. 2).

Основополагающим выводом является появление технологической возможности среднесрочного удержания протестного ядра. Но даже с учётом резко повысившегося уровня информационной интрузивности дилемма между «охватом», «коммуникационной вовлечённостью» и «деятельным участием» сохраняет свою актуальность.

Анализ информационной составляющей протестной активности позволяет сделать несколько **базовых констатаций**:

1) Важнейшим элементом новых манипулятивных технологий становится *возможность дистанционного управления географически разнородными протестными процессами при сохранении их скоординированности по времени и содержанию (контенту коммуникаций)*. Но потенциал дистанционного управления протестной активности распределяется неравномерно: на фазе нарастания протеста, но пока он находится преимущественно в информационной сфере возможности дистанционного управления близки к предельным. В тот момент, когда в протестности начинают доминировать формы, связанные с репрезентацией в пространстве социального действия, возможности «бесконтактного» управления существенно уменьшаются.

2) Условием успешности информационно-политических манипуляций и реализации потенциала политического управления является *сохранение технологической доступности базовых каналов коммуникаций и управление ими по классической иерархической схеме*, то есть, определения информационного «мейнстрима» «сверху вниз». Классическим примером такого развития являлась ситуация в Белоруссии, где центральное место занимал канал NEXTA и где удалось продемонстрировать наиболее высокую эффективность информационных манипуляций⁶. Во всех других случаях, когда существовала сетевизированная система информационного воздействия, результаты оказывались существенно скромнее.

⁶ Это является исключительно важным аспектом ситуации, показывающий, что медийная по форме площадка – NEXTA – выполняла функции организатора и некоего посредника между сетевизированными структурами и иерархическими. Такой феномен – возникновение посредника между сетевыми и иерархическими структурами – аналитически описывался применительно к сложнорганизованным структурам [12, с. 130–133], но в плоскости управления практическим политически мотивированным поведением данный феномен проявился впервые.

Таблица 2 / Table 2

Эффективность социо-манипулятивных методов воздействия на ключевые аудитории по опыту последних лет. Авторский анализ / Effectiveness of socio-manipulative methods impact on key groups. Recent data. Author's analysis

Целевая аудитория	Наиболее значимые кейсы	Платформы	Технологии	Содержательные задачи	Наличие собственной повестки дня	Эффект	Примечания
Молодёжь	Россия Белоруссия Иран Венесуэла	Социальные сети Видеохостинги	Фейковизация Геймификация	Формирование протестного «ядра» Отвращение от провластного дискурса Формирования ложного горизонта событий	Да	Россия – высокий Белоруссия – высокий Венесуэла – средний Иран – средний	Подходы отличаются универсальностью. Молодёжная протестность постепенно становится основой нового идеологического конструкта.
Силовики	Венесуэла Иран Белоруссия	Землячества в соцсетях Фейковые вбросы	Деанонимизация	Устрашение Подрыв лояльности	Да	Венесуэла – средний Иран – не ясно, но не более чем средний Белоруссия – ограниченный	Переход от подрыва лояльности к устрашению оказал консолидирующее воздействие на ЦА.
Пенсионеры	Общероссийские протесты Белоруссия	Слухи и вбросы в традиционных СМИ с опорой на дискурс в Интернете Создание системы веерного распространения слухов	Распространение слухов	Создание неуверенности Формирование самовозобновляющейся системы распространения слухов	Россия, Белоруссия – да. В остальных случаях – нет	Ограниченный	Технологии встраивания пенсионеров в протестность не отработаны. Это связано с особенностью коммуникационного пространства у этой ЦА. Социальный потенциал, потенциал «полевого» воздействия у данной ЦА велик.
Льготники	Москва Общероссийские протесты	Социальные сети	Распространение слухов Вбросы фейков	Подрыв лояльности к властям на региональном и в меньшей степени – федеральном уровне. Создание очагов напряженности по месту жительства Побуждение к протестам	В большинстве случаев – нет	Ограниченный	Не выявлено специфических каналов коммуникаций и информационных манипуляций, которые обеспечивают фокусность воздействия на данную ЦА. Не для всех кейсов ЦА является приоритетной. Для России – приоритетна
Малый бизнес	Общероссийские протесты Москва Хабаровск Белоруссия Армения Киргизия	Социальные сети Профессиональные объединения	Распространение панических настроений Слухи Фейки	Формирование на базе мелких бизнесменов «массовки» в социальных протестах.	В большинстве случаев (Россия, Белоруссия, Киргизия, Армения) – да	Высокий	Малый бизнес превращается в максимально информационно манипулируемую аудиторию. Но это является следствием противоречивости социально-экономических процессов, в которых он существует

3) *Фейковизация пространства приобрела системный характер.* Успех достигается путём обеспечения высокого уровня плотности информационного потока [9] и стимулирования приоритетных целевых аудиторий к избыточному и чрезмерно ускоренному потреблению информации. Фейковизация становится нормальным элементом формирования «повестки дня», особенно при наличии механизмов снятия с себя ответственности (хотя ситуация в Белоруссии продемонстрировала, что можно обходиться и без них). Но даже новое поколение информационно-манипулятивных технологий, включая радикализирующие фейковые вбросы (как правило, связанные с гибелью или тяжёлыми увечьями протестующих), не дали принципиально-го «рывка» с точки зрения потенциала мобилизации. Реальный социальный мобилизационный эффект оставался краткосрочным, а чаще – локализовывался в информационном пространстве (как, например, это происходило с вбросами об избиениях протестующих российскими силовиками).

4) Несмотря на новый уровень агрессивности и интрузивности *ни в одном из случаев активного использования информационно-политических манипуляций, они сами по себе не дали полноценного политического результата.* Главная проблема всех протестов – нахождение удовлетворительного с точки зрения достижения поставленного результата баланса между охватом и радикальностью протестов, достаточного для достижения политически значимого результата. Во всех случаях рассматриваемых протестов происходил распад «протестной коалиции» на «болото», предпочитавшее в большинстве случаев вернуться в пространство чисто информационной протестности, и резко радикализирующееся ядро.

5) *Мы наблюдаем резкий рост значимости визуальных идентификаторов, становящихся определяющим фактором политической консолидации* (как оппозиции, так и условно «провластных» сил). В наиболее яркой форме это было отмечено в ходе поствыборных протестов в Белоруссии, но в той или иной степени может быть отмечено и в других кейсах. В России, в Киргизии и Армении (и, выходя за рамки рассматриваемых кейсов, – в США) имела место прямая персонификация протестов, что является одним из вариантов визуального идентификатора.

6) *Нельзя говорить о полной утрате эффективности классической пропаганды и контрпропаганды.* Но она играет вспомогательную роль, формируя определённый политический фон. В какой-то мере классическая пропаганда выполняет роль инструмента формирования базовых рамок фреймирования, создания устойчивых информационных идентификаторов [10]. Классическим является кейс «БЧБ-Белоруссия», но и в случае с «абрикосовой революцией» в Армении как раз классические СМИ сыграли главную организационную и коммуникационную роль. Возможности классической пропаганды зависят от социального характера и социальной истории соответствующего пространства. И этот фактор выходит за чисто институциональные рамки.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ

Последний цикл использования информационно-манипулятивных технологий (2018–2020 гг.) нельзя считать признаком появления некоего их нового поколения. Скорее, можно говорить о доведении до логического предела развития технологий манипуляций, созданных на основе систем цифровизированных интегрированных коммуникаций, главным образом, с точки зрения возможностей кастомизации (индивидуализации) влияния и управления групповыми настроениями.

Принципиальными структурными моментами в последней волне можно было бы назвать, с одной стороны, появление отдельных (но пока ещё несистемных) признаков апробации в применении киберударных средств по системам социально-экономической инфраструктуры в период вывода гражданской нестабильности на пик (Венесуэла). С другой стороны, важным фактором информационно-политических манипуляций стала продемонстрированная способность к поддержанию среднесрочной комплексности использования различных инструментов управления (в наибольшей степени это проявилось в ходе событий в Белоруссии). Ранее можно было говорить лишь о краткосрочной комплексности применения информационно- и социально-манипулятивных инструментов (табл. 3).

Пока вряд ли можно говорить о каком-то качественном скачке в развитии информационно-манипулятивных технологий, для чего, вероятно, потребуется не только создание принципиально иной технологической среды, соответствующей социальной среде, близкой к предельной социоструктурной атомизации. Явно потребуются тщательная проработка вопросов управления контентом с учётом социальной динамики и технологических возможностей кластерной адаптации контента⁷. Этот же принцип будет действовать и в противоположном направлении – в отношении мер противодействия протестному социальному конструированию.

Выход на новое поколение социально интрузивных манипулятивных технологий является лишь вопросом времени с учётом выводов, сделанных по итогам последнего цикла напряжённости и темпов развития информационных технологий. Мы стоим на пороге действительно глубокого качественного рывка в развитии социально-манипулятивных технологий, который может быть предотвращён только в случае распада глобализированного информационного пространства и «национализации» (не только юридической, но и технологической) страновых или региональных его сегментов. Но это будет означать разрыв одной из наиболее значимых для современного мира систем взаимозависимости.

⁷ Феномен содержательного выхолащивания протестности был отмечен многими экспертами и комментаторами. Особенно это заметно на примере протестов в Белоруссии. См., например: Одноколенко О. Государство и цветная революция. После событий в Белоруссии не осталось никаких сомнений: на смену демократии пришли политехнологии // Еженедельник «Звезда» 2020. 23 сентября. URL: <https://zvezdawebdaily.ru/news/t/2020921116-HEuxa.html> (дата обращения: 23.09.2020).

Таблица 3 / Table 3

Особенности манипулятивных технологий в контексте конкретных операционных площадок / Features of manipulative technologies in the context of specific operating sites

Ситуация / технология и ее эффективность	Якорная информационная платформа	Визуализация	Фейковые сайты госорганов	Фальсификация контента	Примечания
Венесуэла	Нет	Слабая	Нет, но с апреля 2019 г. создавались конкурирующие с официальными коммуникационные платформы в рамках двоевластия. Но эти платформы претендовали на официальный статус	Да	Ситуация развивалась в русле конкуренции борьбы за признание легитимности внешними силами.
Армения	Нет. Базовым организационным инструментом стала социальная сеть Facebook	Средняя/Сильная (на пике протестов)	Нет	Нет	Контроль оппозиции над наиболее значимыми СМИ
Москва	Да: «Эхо Москвы» Телеканал «Дождь»	Сильная. Важнейшую роль сыграли стримы в режиме реального времени	Нет	Нет	Попытка поколенческого противопоставления различных социальных групп («Рэп-концерт против «Фестиваля шашлыка»)
Прочие регионы России	Да: ФБК Локальные оппозиционные сайты	Средняя	Нет	Да	Ни в одном из случаев протестности государственные каналы коммуникаций из-под контроля не вышли. Различный уровень локализации протестной повестки. Наивысший уровень был достигнут в Хабаровске и Архангельской области. В других регионах — существенно ниже.
Белоруссия	Да. Сочетание информационного и коммуникационного компонента в деятельности НЕТА	Сильная	Нет. Кибератаки с целью захвата контроля над государственными каналами коммуникаций отбиты	Да/высокая	Отсутствие опасений дискредитации якорной платформы за счет прямого вброса фейков и фальсификаций. Резкое падение эффективности манипуляций при столкновении с неразовой конкурирующей социальной реальностью
Киргизия	Нет. Попытка встраивания НЕТА в информационное управление протестами на завершающей стадии	Сильная	Нет	Разовая, не оказала серьезного воздействия на развитие ситуации	Имел место распад системы государственной информации

Несмотря на процесс универсализации информационных технологий, последние годы дали видимое нарастание социальной архаики, что и потребовало большей кастомизации и интрузивности информационно-манипулятивных технологий. *Относительно локально успешные кейсы протестности были связаны с реализацией потенциала социо-коммуникационной гибридности с заранее спланированными и организационно обеспеченными точками трансформации коммуникационного потенциала в потенциал реального действия.*

Отметим несколько других **принципиальных моментов.**

Первое. Базовым фактором, обеспечивающим успешность манипуляций, становится *фактор времени*. Эффект ускорения времени является типичским для современного общества [3], но в контексте всплеска социально-политической протестности этот аспект приобретает ещё и операционное значение. Управляемое «сужение горизонта планирования» на групповом и индивидуальном уровнях, формирование у значимых в общественном плане социальных групп ощущения существования «мира», общественных процессов только «здесь и сейчас» становится одним из наиболее значимых инструментов манипуляций общественными настроениями. Это связано как с эффектом «социальной тоннельности» в восприятии действительности, когда рациональное восприятие заменяется жёстким фреймированием, в особенности по отношению к противникам [2], так и с недостаточностью нынешнего поколения интрузивных манипулятивных технологий для поддержания устойчивой системы протестности на среднесрочную перспективу, что требует ускорения событий до степени иррациональности.

Второе. Все исследованные ситуации протеста отличало *максимальное упрощением контента (коммуникаций)*, причём как в информационном пространстве, так и в социальном: все случаи протестности характеризовались продвижением максимально упрощёнными лозунгами, а в ряде случаев (Москва 2019 г., Белоруссия, Киргизия) – лозунги, фактически, были бессодержательными и рассчитанными исключительно на эмоциональное восприятие. Но это означает существенное расширение допустимых мер информационного воздействия, акцентированную «лозунговость» соответствующих коммуникаций. Последний цикл протестной активности в принципе характеризуется ориентацией на дерационализацию поведения важнейших социальных групп, вовлечённых в протестную активность, стимулирование моментальной эмоциональной реакции, что является специфическим технологическим свойством сетевизированных интегрированных коммуникаций [19], трансформируемым в социальное пространство. Как минимум, в двух случаях (Белоруссия и протесты в регионах России) сценарий «хаотизации» пространства рассматривался как вполне допустимый и легкодостижимый, нежели рационально осознаваемые сценарии захвата власти и изменения курса страны.

Третье. Важнейшим фактором информационных манипуляций стало удержание «смыслового коридора» протеста в сетевизированном информационном пространстве с характерным быстрым устареванием повестки дня⁸. Это критично, чтобы исключить возможность диссонанса целеполагания у наиболее активных протестных групп. Во всех случаях, «большая протестная коалиция» распадалась (исключение – ситуация в Армении, где «цветная революция» закончилась относительно быстрым успехом), а использование новых технологий манипуляций ни в одном из рассмотренных случаев не привело к преодолению диссонанса целеполагания. По мере стагнации протеста (Белоруссия, Хабаровск, в меньшей степени Венесуэла) выделяется радикальное протестное «ядро», для которого информационное пространство становится преимущественно инструментом управления протестностью, и «информационно-вовлечённая» масса, преимущественно ограничивающая свою вовлечённость в процессы коммуникациями. Но вопрос управления диссонансом целеполагания в ходе социальных протестов в условиях высокого уровня насыщенности социального пространства цифровыми коммуникациями становится одним из главных и на будущее является предметом дальнейшего тщательного рассмотрения.

Четвёртое. Фактором, определившим операционное пространство для информационно-политических манипуляций, являлась защищённость национального информационного пространства, причём как политическая, так и технологическая. В частности, обратим внимание на ставшую одной из наиболее часто употребляемых технологию деанонимизации силовиков и других государственных служащих, в целом – опубличивание чувствительной личной информации, что является в целом естественным результатом развития технологий кастомизации коммуникаций. Это поставило в повестку дня вопрос о выработке существенно более разумного подхода к информационной открытости государства и обществ [13].

Пятое. Критическим моментом для нейтрализации информационно-политических манипуляций становится сохранение контроля над государственными информационными ресурсами (включая официальные сайты министерств и ведомств) и обеспечение доминирующего присутствия в каналах коммуникаций официальной точки зрения [18]. Ни в одном из рассмотренных случаев не было отмечено системной работы по развалу государственной системы коммуникаций, причём даже в тех случаях, где это диктовалось целями протеста (например, в Венесуэле и Белоруссии). Хотя элементы противодействия государственной пропаганде на технологиче-

⁸ Основополагающим и, безусловно, сохраняющим актуальность и по сей день принципом является каскадная активация сетевого фрейминга, сформулированная М. Кастельсом [5, с. 187–190]. Характерно, что, разбирая принцип каскадирования нарративов, формирующих запрограммированное восприятия информации, Кастельс использует пример интервенции США в Ираке в начале 2000-х гг.

ском уровне присутствовали в большинстве случаев, в т. ч. и в России. Это является отступлением от ранних принципов опоры на технологическое доминирование, когда коммуникации государства блокировались (Египет) или создавались фиктивные информационные объекты (Ливия).

Думается, мы имеем дело с некоей «промежуточной» моделью информационно-политических манипуляций, где уже учитывается запрос на локализацию и учёт особенностей не только политического, но и социального пространства, но технологии пока ещё недостаточны для того, чтобы в полной мере реализовать эти особенности на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В. Г. Человек: общество, управление, информация. Опыт системного подхода. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 208 с.
2. Бараш, Р. Э., Антоновский, А. Ю. Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 3. С. 140–164.
3. Вайсман Дж. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 304 с.
4. Евстафьев Д. Г. Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т. 3. № 4. С. 140–158.
5. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
6. Клупт М. Социальная база и перспективы популизма в странах Запада // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 3. С. 47–55.
7. Конышев В., Парфенов Р. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 56–66.
8. Манойло А. В. Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2014. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.11.2020).
9. Манойло А. В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.11.2020).
10. Наумов А. О. Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций» // Дискурс-Пи. 2018. № 3-4 (32-33). С. 79–87.
11. Новиков О. Г., Рыжикова Д. А., Высоцкий Р. Н. Объективные и субъективные предпосылки возникновения цветных революций в XXI веке // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 41–56.
12. Олескин А. В. Сетевое общество: Необходимость и возможные стратегии построения. Сетевая (ретикулярная) социально-экономическая формация: квазисоциалистические принципы и меритократия. М.: ЛЕНАНД, 2016. 200 с.

13. Ровинская Т. «Прозрачность» в информационную эпоху: благо или зло? // Мировая экономика, международные отношения. 2020. Т. 64. № 9. С. 126–138.
14. Розов Н. С. Социально-политические кризисы и революции: теоретический анализ // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 33–42.
15. Скоробогатый П., Сысоев Т. Пожары имперского фронта // Эксперт. 2020. № 42 (1180). URL: <https://expert.ru/expert/2020/42/pozharyi-imperskogo-frontira/> (дата обращения: 14.10.2020).
16. Стэндинг Г. Прекариат: Новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
17. Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху / пер. с англ. Д. Симановского. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с.
18. Чернавин Ю. А. Современная цифровизация: преимущества и риски для российского общества и его безопасности // Военный академический журнал. 2020. № 2. С.76–84.
19. Rushkoff D. Present Shock. When Everything Happens Now. New York: Current, 2013. 296 p.

REFERENCES

1. Afanas'ev V. G. *Chelovek: obshchestvo, upravlenie, informatsiya. Opyt sistemnogo podkhoda* [Man: society, management, information. Systematic approach]. Moscow, Book House "Librokom", 2013. 208 p.
2. Barash, R. E., Antonovskii, A. Yu. [Modern protest communication in the context of the system-communicative approach]. In: *Kommunikatsii. Media. Dizain* [Communication. Media. Design], 2019, vol. 4, no. 3, pp. 140–164.
3. Wajcman J. Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism (Russ. ed.: Edel'man N., transl. *Vremeni v obrez: uskorenie zhizni pri tsifrovom kapitalizme*. Moscow, Delo Publishing House, RANEP, 2019, 304 p.).
4. Evstafiev D. G. [Socio-communication hybridity as a characteristics of the modern information society]. In: *Kommunikatsii. Media. Dizain* [Communications. Media. Design], 2018, vol. 3, no. 4, pp. 140–158.
5. Castells M. Communication Power (Russ. ed.: Tylevich N. M., transl. *Vlast' kommunikatsii*. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. 564 p.).
6. Klupt M. [Social base and prospects of populism in Western countries]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2020, vol. 64, no. 3, pp. 47–55.
7. Konyshchev V., Parfenov R. [Hybrid wars: between myth and reality]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2019, vol. 63, no. 12, pp. 56–66.
8. Manoilo A. V. [Color revolutions and the problems of dismantling political regimes in a changing world]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2014, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 29.10.2020).

9. Manoilo A. V. Cascade chain reactions in modern technologies of viral spread of “fake news”. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 29.10.2020).
10. Naumov A. O. [Traditional and new media as actors of “color revolutions”. In: *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2018, no. 3-4 (32-33), pp. 79–87.
11. Novikov O. G., Ryzhikova D. A., Vysotsky R. N. [Objective and subjective prerequisites for the emergence of color revolutions in the XXI century]. In: *Vestnik finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Financial University. Humanitarian sciences], 2018, no. 1, pp. 41–56.
12. Oleskin A. V. *Setevoe obshchestvo: Neobkhodimost' i vozmozhnye strategii postroeniya. Setevaya (retikulyarnaya) sotsial'no-ekonomicheskaya formatsiya: kvazisotsialisticheskie printsipy i meritokratiya* [Network Society: Necessity and Possible Strategies for Building. Network (reticular) socio-economic formation: quasi-socialist principles and meritocracy]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 200 p.
13. Rovinskaya T. [“Transparency” in the Information Age: Good or Evil?]. In: *Mirovaya ekonomika, mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy, international relations], 2020, vol. 64, no. 9, pp. 126–138.
14. Rozov N. S. [Socio-political crises and revolutions: theoretical analysis]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2018, no. 1, pp. 33–42.
15. Skorobogaty P., Sysoev T. [Fires of the imperial frontier]. In: *Ekspert* [Expert], 2020, no. 42 (1180). Available at: <https://expert.ru/expert/2020/42/pozharyi-imperskogo-frontira/> (accessed: 14.10.2020).
16. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class (Russ. ed.: Usova N., transl. *Prekariat: Novyi opasnyi klass*. Moscow, Ad Marginem Press, 2014. 328 p.).
17. Zuckerman E. Rewire. Digital Cosmopolitans in the Age of Connection (Russ. ed.: Simanovskii D., transl. *Novye soedineniya. Tsifrovye kosmopolity v kommunikativnuyu epokhu*. Moscow, Ad Marginem Press, 2015. 336 p.).
18. Chernavin Yu. A. [Modern digitalization: advantages and risks for the Russian society and its security]. In: *Voennyi akademicheskii zhurnal* [Military academic journal], 2020, no. 2, pp. 76–84.
19. Rushkoff D. *Present Shock. When Everything Happens Now*. New York, Current, 2013. 296 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 10.11.2020

Статья размещена на сайте: 22.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – кандидат политических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций НИУ «Высшая школа экономики»; e-mail: devstafiev@hse.ru

Dmitry G. Evstafiev – Cand. Sci. (Political sciences), Prof., Department of Integrated Communications, National Research University Higher School of Economics; e-mail: devstafiev@hse.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Евстафьев Д. Г. Новая социально-политическая протестность и технологии информационно-политических манипуляций. Опыт 2017–2020 гг. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Evstafiev D. G. Socio-political protests of the new era and the technologies of informational-political manipulations. The experience of 2017–2020. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.